
Е. О. НОВОСЁЛОВА

ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКОГО НАТИВНОГО НАУЧНОГО БАЗИСА, ИЛИ ПРОБЛЕМА «НАУЧНОГО ЗНАНИЯ» ВНЕ ЗАПАДНОЙ ТРАДИЦИИ

Сегодня значительную актуальность в исторической науке приобретают исследования трансформационных процессов научных дисциплин, где особое внимание уделяется процессу перехода неевропейских обществ от традиционной модели научного знания к классической европейской. Соответственно, усердно изучаются степень и характер взаимного влияния соприкасающихся культурных пространств в попытке разделить исконное и приобретенное извне, а также особенности адаптации приобретенного. Новаторским подходом к оценке таких процессов считается теория культурного трансфера французского культуролога Мишеля Эспаня, где под трансфером понимается непрерывный, динамичный и многонаправленный процесс переноса и трансформации объекта или концепции из одного культурного пространства в другое, итогом которого становится переинтерпретация искомого объекта на базе культуры реципиента.

Данная статья служит начальным этапом комплексного исследования японо-европейского культурного трансфера в изучении буддизма с позиций теории культурного трансфера и посвящена вопросу общего уровня развития в Японии научных дисциплин до начала активной фазы заимствования европейской научной базы в эпоху Мэйдзи (1868–1912) и связанных с ним проблем исследования понятия научного знания незападного образца.

Ключевые слова: культурный трансфер, Мэйдзи, Токугава, научное знание, образование, европоцентризм.

Традиционно под научным знанием подразумевается именно европейское академическое знание, концепцию же западной науки довольно лаконично формулирует Джеймс Кьюзик: «Под этим термином понимается стремление к знаниям о Вселенной, основанное на рациональном мышлении, наблюдаемых фактах, воспроизводимых работах и направляемое эмпирическим, измеримым и беспристрастным пониманием результатов» (Cusick 2009: 4).

*Историческая психология и социология истории 1/2022 138–147
DOI: 10.30884/ipsi/2022.01.07*

Поскольку историография науки европоцентрична, появление официальной научной школы в Японии относят к периоду Мэйдзи (1868–1912), когда новообретенный интерес к Западу способствует интеграции европейской научной мысли и методологии в японскую научную среду. При этом предполагается существование нативного базиса для восприятия европейского опыта, но его роль оценивается неодинаково: например, если в медицине или истории идет стремительная трансформация, то религиоведение развивается в Японии с некоторым запозданием. Так, саму категорию религии в Японии вводит в употребление буддистский монах и известный интеллектуал своего времени Симадзи Мокурай (яп. 島地黙雷) (1838–1911) только в 1870-х гг., а Японская ассоциация религиоведов открывает свои двери сравнительно поздно, в 1930 г. (Kramer 2013: 89–111; Tamagi 1994: 760).

Кроме того, несомненно значимый эффект от европейских знаний и технологий, обрушившихся на Японию подобно лавине, которые сама Япония впитывала и применяла с поражающей воображение скоростью, создает несколько гиперболизированное восприятие роли европейцев в процессе. Что, в свою очередь, порождает тезисы о слабой развитости собственной научной традиции японцев. Например, отечественная исследовательница-культуролог М. П. Герасимова о науке в Японии пишет: «Не будет преувеличением сказать, что путь ее развития уникален. До XVIII века японцы не были знакомы ни с механическими часами, ни с микроскопами и телескопами, не имели представления об анатомическом строении человека, словом, не обладали знаниями, которые к тому времени уже хорошо были усвоены жителями Запада», а японский исследователь Хасимото Уити (яп. 橋本宇一) (1897–1986) подчеркивает: «Интерпретация образования в Японии всегда заключалась в том, чтобы “сформировать аристократа”, в отличие от западного идеала “практичного человека”» (Герасимова 2013: 65; Hashimoto Uichi 1963: 7). Хасимото считал, что из-за подобного подхода классическое японское образование, опиравшееся на китайский образец, стало постепенно терять свои позиции с XI в., когда аристократия понемногу утрачивает свое политическое влияние. Установление сегуната и начало феодализма он полагает периодом деградации научной мысли, полноценное возрождение которой начинается только при Мэйдзи. Некоторые исследователи даже подчеркивают наличие у японцев холистического восприятия мира, которое и обусловило отставание Японии от Запада на научном поприще.

Например, профессор Каваи Хаяо (яп. 河合隼雄) (1928–2007), психолог-юнгианец и один из видных деятелей пропагандистского жанра «Записки о японцах» (яп. «Нихондзин-рон»; 日本人論), противопоставляет японскую и европейскую ментальности, в том числе приписывая первой отсутствие интереса к исследованию и анализу окружающих явлений. Это противопоставление он иллюстрирует примерами из японской мифологии, где недеятельные японские божества разительно отличаются от Бога-творца в христианстве (Kawai Hayao 1995: 89). Его брат, биолог Каваи Масао (яп. 河合雅雄) (1924–2021), добавил к этому тезису, что европейцы воспринимают себя обособленно от окружающего мира, используя антропоцентричные термины при обсуждении природы, в то время как для самовосприятия японцев характерна более тесная связь с природой (Sleeboom 2004: 48).

Однако, несмотря на подобные суждения, было бы неверно утверждать, что до перехода к европейской модели научного знания в Японии не было собственной формы учености, равно как неверно было бы утверждать, что внедрение европейского научного опыта следует отсчитывать от открытия страны для торговли с Западом. Как подчеркивают И. М. Савельева и А. В. Полетаев, «внутренними критериями научного знания выступают рациональность и взаимная соотнесенность эмпирики и теории» (Савельева, Полетаев 2007: 203). Поскольку рациональность полагается имманентной чертой любой научной системы и не имеет универсального критерия оценки, остановимся подробнее на вопросе эмпирики, отсутствие которой зачастую приписывают неевропейской науке (Turnbull 2000: 51–52).

Для наглядности рассмотрим появление в Японии телескопов. Первым телескопом, сделанным в Японии, зачастую называют «Хэйтэнги» (яп. 平天鏡) 1801 г. (первый рабочий образец – 1793 г.), собранный Ивахаси Дзэмбэем (яп. 岩橋善兵衛) (1756–1811), хотя встречаются примеры и более ранних домашних телескопов японского производства, например, телескоп Мори Нидзаэмона (яп. 森左衛門), датируемый 1690–1740-ми гг. (Iba Yasuaki 1938: 141–147). Однако первый такой прибор оказался в Японии в 1613 г. в качестве подарка сегуну Токугава Иэясу (яп. 徳川家康) (1543–1616) от английского моряка Джона Сариса (1580–1643), то есть всего спустя 5 лет после его изобретения в 1608 г. голландским изобретателем Иоганном Липперсгеем (1570–1619). Как отмечает в своей статье «Телескопы периода Эдо и пикториализация расширенного

видения» (яп. «Эдо дзидай-но боэнке то какуте сарэта сикаку но кайгака»; 江戸時代の望遠鏡と拡張された視覚の絵画化) лектор Художественного музея Аити Созда Кадзухо (яп. 副田一穂), импорт телескопов в Японию наблюдался уже в эти годы, но установить точные объемы по торговым документам представляется тяжелой задачей. Тем не менее, в каталоге голландских закупок для вывоза Хирадо за 1633 г. числится 10 пар очков и два телескопа на сумму 652 таэля. С учетом сложности полировки линз и, соответственно, дороговизны товара в описываемый период это примечательное количество (Созда Кадзухо 2014: 25–28; Zoomers 2010: 306–307).

Созда резонно полагает, что прибор оставался долгое время предметом роскоши, недоступным широким массам; так, телескоп Мори был создан под заказ для сегуна (Созда Кадзухо 2014: 25–28). С другой стороны, в 1660-е гг. телескопы стали активно использовать в военных целях – для отслеживания чужестранных кораблей, входящих в территориальные воды Японии, что зафиксировано в «Компендиуме документов Нагасаки» (яп. «Нагасаки Дзицуреку Тайсэй»; 長崎實録大成) (Танабэ Мокэй 1763: 254–255). Стоит добавить к этому тот факт, что самый старый из сохранившихся в Японии телескопов, принадлежавший Тогугаве Есинао (яп. 徳川義直) (1601–1650), был создан не позднее 1650 г. Более того, его авторство приписывается китайским мастерам из провинции Чжэцзян (или же мигрантам из этой провинции в Нагасаки). Исследователи подчеркивают, что телескоп собран без прямого участия европейцев (Nakamura Tsuko 2008: 204–210). Торговый оборот с Китаем у Японии до самого конца XVII в. был существенно выше, нежели с Голландией в течение трех веков, несмотря даже на постепенное его сокращение в связи с отсутствием оформленных официально дипломатических отношений между сегунатом Токугава и Великой Цин (Peng Hao 2019: 9). Поэтому нет ничего удивительного в том, что телескопы японцы импортируют, в том числе из Китая, и не исключено, что в большем объеме, чем у европейских поставщиков.

Иными словами, к XVIII в. телескоп перестает быть предметом роскоши, который изготавливают на заказ, как телескоп Мори, и становится доступен широким массам, когда японские интеллектуалы, такие как Ивахаси Дзэмбей, начинают собирать любительские телескопы самостоятельно. Тем не менее знакомство с телескопом и освоение его производства в самой Японии происходит с весьма незначительным отставанием от Запада, хотя едва ли можно утверждать, что все необходимые компоненты японцы могли

воспроизвести самостоятельно. Однако и сами голландцы, изобретатели прибора, были вынуждены закупать линзы и иные детали в других странах.

Из данного примера можно сделать следующие выводы:

1. Представление и адаптация западных знаний при ближайшем рассмотрении происходит значительно раньше и быстрее, чем склонны утверждать европейские исследователи.

2. В культурно-технологическом обмене европейцев и японцев принимает активное участие Китай, поэтому при оценке адаптации европейской научной мысли на японской культурной почве следует учитывать его как посредническое, так и предшествующее влияние на японскую интеллектуальную среду.

3. Скорость адаптации полученных знаний демонстрирует, что интерес к научному познанию мира у японцев не уступает таковому у европейцев.

С открытием страны ситуация не изменилась – так, В. В. Кожевников пишет, что подаренная в 1854 г. Мэтью Перри (1794–1858) в качестве демонстрации западного технического прогресса модель паровой машины в Японии была воссоздана всего через год. Если учесть, что принцип работы машины объяснил японцам годом ранее русский посол в Нагасаки Евфимий Путятин (1855–1803), то в освоении технологии японцы запоздали всего на два года (Кожевников 2018: 166).

Индийский историк Дипеш Чакрабарти в своей работе по постколониальным исследованиям «Провинциализируя Европу», критикуя принцип историзма, отметил своеобразную асимметрию, существующую между европейской теорией и исследованиями незападных историков. Он пишет, что незападные историки замкнуты в рамках европейского теоретического базиса и вынуждены полемизировать с европейскими мыслителями прошлого, предоставляя исключительно эмпирические факты, но не формируя новый теоретический «костяк». Такая асимметрия, по его мнению, становится возможной, поскольку традиционно европейская философия воспринимается как «универсальная теоретическая», а восточная – как «универсальная прикладная», и, несмотря на критику непрерывности «европейской интеллектуальной традиции», она де-факто сохраняет возможность обращения к давно почившим фундаментальным исследователям, восточная же интеллектуальная традиция низводится до предмета исторических исследований, и тем самым происходит ее «обмерщвление» (Chakrabarty 2000: 28–30). Чакра-

барти приводит данный тезис в рамках критики европоцентризма, однако на его основе можно предположить, что проблема японского технологического отрыва от европейцев могла быть сопряжена скорее с преемственностью теоретической базы, нежели с отсутствием базы эмпирической.

Как считает У. Хасимото, значительную роль здесь могли сыграть замкнутые системы передачи ремесла, где секреты отрасли специализации передавались в пределах одной семьи или школы. Наглядным примером такой системы можно назвать систему *измото* (яп. 家元), на основе которой по сей день функционируют многие школы традиционных искусств Японии. Непосредственно система *измото* сформировалась уже в период Токугава, а ее фундамент – семейные домохозяйства *изэ* (яп. 家) и квазисемейные объединения *додзоку* (яп. 同族) издревле являются основой японского общества (Маркарьян 1995: 127–128). Следуя определению антрополога Наканэ Тиэ (яп. 中根千枝) (1926–2021), *додзоку* – это группа семейных домохозяйств *изэ*, состоящих в строгих иерархических отношениях по принципу *хонкэ-бункэ*, где ответвление семьи *бункэ* (яп. 分家) находится в вассально-подчиненном положении в отношении к основному клану – *хонкэ* (本家). Наканэ Тиэ указывает, что этот принцип лежал в основе формирования большинства японских торговых домов, из которых, в свою очередь, вырастут современные японские корпорации, где данная иерархия также сохранится (Nakane Chie 1967: 90–91).

Спецификой *додзоку* являются практика псевдородственных связей посредством усыновления для поддержания преемственности профессии, что в сравнении с Японией достаточно редко встречается в Китае или Корее; иерархичность; а также привязанность к определенной территории, что, благодаря гибкости трактовки родственных связей, служило более весомым сплачивающим фактором (Hsu 1975: 39–45). Территориальная привязка и замкнутость подобной системы, где навыки не покидают рамки отдельной семьи или школы, не способствовала созданию единой теоретической базы.

Кроме того, Хасимото Уити подмечает, что к VII в. в стране было по крайней мере пять высших учебных заведений, крупнейшим и древнейшим из которых являлось Управление образования (яп. Дайгаку-ре; 大学寮). В них преподавались история и литература, политика и экономика, юриспруденция и математика, хотя к обучению допускались только дети семей высших классов или про-

фессиональных ученых. Существовали и более доступные широкой публике специализированные учреждения, в которых обучали гадательному искусству и астрономии, медицине и музыке (Nashimoto Uichi 1963: 5–7). Существенную роль в продвижении доступного образования играли буддистские монастыри – например, в 828 г. основатель буддийской школы Сингон (яп. 真言宗) Кукай (яп. 空海) (774–835) открыл в Киото частную школу для детей простолюдинов, где преподавались, помимо прочего, основы буддизма, конфуцианства и даосизма. Большинство преподавателей были также буддистскими монахами (Insup, Martin 2014: 323).

X век принес расцвет японской образовательной системы, но к концу XI в. управленческий кризис аристократии и нерациональная аграрная политика, в частности бесконтрольная раздача земель владениям знатым семьям и монастырям, создала существенный социальный и экономический разрыв между высшими и низшими стратами японского общества и ограничила возможности получения широкопрофильного образования (Sato 2001). Параллельно в результате аристократической клановой борьбы в сфере образования многие школы стали семейными и, соответственно, завязанными на благополучие клана-патрона (Прасол 1998: 83–84).

Последующие турбулентные события, связанные с приходом к власти воинского сословия, обращаются чередой междоусобных войн, и к XV в. страна оказывается в состоянии раздробленности, что и поспособствовало примату прикладного знания над теоретическим. Более твердые позиции здесь оказались у школ, которые имели не только твердый клановый, но храмовый патронаж, как, например, успешно сохранившая свое влияние с IX по XVII в. школа Асикага (яп. Асикага гакко; 足利学校), чьей специализацией было конфуцианство, но патроном выступали дзэнская школа Риндзай (яп. 臨濟宗) и поддерживавший ее самурайский клан Уэсуги (яп. 上杉氏). На основе таких школ впоследствии, при правлении Токугава, появятся частные храмовые школы – *тэракоя* (яп. 寺子屋), которые станут новым фундаментом всеобщего образования в Японии (Insup, Martin 2014: 323). В Европе в это время, как отмечает видный историк школы Анналов Жак Ле Гофф, постепенно формируется общее экономическое и культурное пространство, не в последнюю очередь за счет развития университетов и трансфера научной базы мусульманского мира (Ле Гофф 2008: 270; Садыхова 2008: 404–405).

В заключение следует сказать, что поскольку культурный трансфер – явление непрерывное и многонаправленное, доказательство или опровержение отставания в той или иной научно-технологической сфере требует тщательного анализа развития данной конкретной сферы и особенностей трансфера в ее рамках. Не следует забывать и то, что до контакта с европейцами у японцев перед глазами был опыт Китая с давними автономными традициями учености, а также собственные направления научной мысли, которые, встретившись с новыми парадигмами, скорее поглотили и ассимилировали их на свой лад, нежели уступили им место. Употребление же терминов «преднаучный» или «предысторический» в отношении восточного научного опыта замыкает его в строго европоцентричную парадигму (Schneider, Tanaka 2011: 492–493). Притом что, как уже отмечено выше, непрерывность европейской философской традиции, которая лежит в основе всей западной теории, является предметом споров, нельзя не отметить и то, что сама эта традиция во многом является продуктом культурного трансфера с восточными культурами (Afnan 1965: 18–40).

Литература

Герасимова, М. П. 2013. Изменение массового сознания в японском обществе. *Историческая психология и социология истории* 2: 65–78.

Кожевников, В. В. 2018. «Сакоку» во внешней политике Японии (политика самоизоляции). *Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН* 18: 160–172.

Ле Гофф, Ж. 2008. *Рождение Европы*. СПб.: Alexandria.

Маркарян, С. Б. 1995. Социальные связи в японском обществе. *Ежегодник «Япония»* 1994–1995: 124–141.

Прасол, А. Ф. 1998. Первые учебные заведения и становление образования в Японии (VIII–XI вв.). *Россия и АТР* 4: 68–86.

Савельева, И. М., Полетаев, А. В. 2007. *Теория исторического знания: учебное пособие*. СПб.: Алетейя.

Садыхова, А. А. 2008. Европейский мультикультурализм: Из истории взаимовлияния западноевропейской и арабо-мусульманской культур. *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры* 180: 400–409.

Созда Кадзухо. 2014. Эдо дзидай-но боэнке то какуте сарэта сикаку-но кайгака [Телескопы периода Эдо и пикториализация расширенного видения]. *Бюллетень Художественного музея префектуры Аити* 20: 25–52 (на яп. яз.).

Танабэ Мокэй. 1763. *Нагасаки Дзицуреку Тайсэй [Компедиум документов Нагасаки]*. Т. 2 (электронная копия). Нагасаки: Нагасаки бункэнся (на яп. яз.).

Afnan, R. M. 1965. *Zoroaster's Influence on Greek Thought*. New York: Philosophical Library.

Chakrabarty, D. 2000. *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton: Princeton University Press.

Cusick, J. 2009. Cultural Characteristic Continuity: Basis for Rapid Foreign Scientific, Engineering, and Technological Transformation in Meiji Era Japan (1868–1912). *Prof. Romualdas Sviedrys SS 6163 Guided Readings in History of Science 2009*.

Hashimoto Uichi. 1963. An Historical Synopsis of Education and Science in Japan from the Meiji Restoration to the Present Day. *Impact of Science on Society* III(1): 3–23.

Hsu, F. L. K. 1975. *Iemoto: The Heart of Japan*. Cambridge: Schenkman Publishing Company.

Iba Yasuaki. 1938. Fragmentary Notes on Astronomy in Japan. *Popular Astronomy* 46: 141–147.

Insup, T., Martin, T. M. 2014. *Writing and Literacy in Chinese, Korean and Japanese*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.

Kawai Hayao. 1995. *Dreams, Myths and Fairy Tales in Japan*. Einsiedeln: Daimon Verlag.

Kramer, H. M. 2013. How “Religion” Came to Be Translated as Shūkyō: Shimaji Mokurai and the Appropriation of Religion in Early Meiji Japan. *Japan Review* 25: 89–111.

Nakamura Tsuko. 2008. The Earliest Telescope Preserved in Japan. *Journal of Astronomical History and Heritage* 11(3): 203–212.

Nakane Chie. 1967. *Kinship and Economic Organization in Rural Japan*. London: Athlone Press.

Peng Hao. 2019. *Trade Relations between Qing China and Tokugawa Japan*. Singapore: Springer.

Sato, E. 2001. The Early Development of Shoen. In Hall, J. W., Mass, J. P. (eds.), *Medieval Japan: Essays in Institutional History*, pp. 91–109. Stanford: Stanford University Press.

Schneider A., Tanaka S. 2011. The Transformation of History in China and Japan. *The Oxford History of Historical Writing* 4: 491–519.

Sleeboom, M. 2004. *Academic Nations in China and Japan, Framed by Concepts of Nature, Culture and the Universal*. London: Routledge Curzon.

Tamaru, N. 1994. The Concept of Religion in Japanese Perspective. In Bianchim, U. (ed.), *The Notion of "Religion" in Comparative Research: Selected Proceedings of the XV IAHR Congress*. Rome: L'errma di Bretschneider.

Turnbull, D. 2000. Rationality and the Disunity of the Sciences. *Science across Cultures: The History of Non-Western Science 2*: 37–54. Dordrecht: Springer.

Zoomers, H. 2010. The Netherlands, Siam and the Telescope. The First Asian Encounter with a Dutch Invention. In Helden, A. van, Zuidervaart, H., Gent, R. van, Dupré, S. (eds.), *The Origins of the Telescope*, pp. 301–320. Amsterdam: KNAW Press.